

Виндикация бездокументарных ценных бумаг: теория и судебно-арбитражная практика

А. Ю. Бушев,

доцент кафедры коммерческого права, к. ю. н.

А Теория

Разрешение теоретических дискуссий о природе бездокументарной ценной бумаги (об электронной форме закрепления информации о долге¹), о возможности распространения на особую форму правил о «вещи» имеют большое значение для практики защиты (отказа в защите) прав лиц, участвующих в отношениях по передаче долга. Ведь если вслед за статьей 128 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) признать, что и документарные, и бездокументарные ценные бумаги могут быть признаны вещами (пусть даже и их разными подвидами), то для защиты прав участников соответствующих долговых обязательств допустимо применение одних и тех же родовых вещно-правовых конструкций, прежде всего виндикации ценной бумаги, а следовательно, и воплощенного в ней права. Если же считать, что на дематериализованную форму ценной бумаги правила о вещи никак распространены быть не могут и такая форма есть лишь элемент обязательственного, а не вещного права, то вывод о спо-

собе защиты прав владельцев особых электронных документов должен быть иной. Традиции пандектной системы для защиты обязательственного права требования в последнем случае диктуют необходимость применения не вещно-правовых, а обязательно-правовых способов защиты (иски о признании договора недействительным и др.).

Эти рассуждения широко представлены в современной российской юридической литературе, причем большинство исследователей, в том числе и весьма авторитетных, полагают, что бездокументарные ценные бумаги «к числу ценных бумаг могут быть отнесены лишь с определенными оговорками, поскольку они лишены вещно-правовых элементов, сохраняя лишь элементы обязательственные»². А вот то обстоятельство, что бездокументарные ценные бумаги не являются вещами, исключает, по мнению многих российских ученых и практиков, какую-либо возможность применения к ним и соответствующих способов защиты — прежде всего виндикации³. Столь представительное со-

¹ Дематериализация ценной бумаги происходит в разных правовых формах, исключающих или существенно ограничивающих физическое перемещение ценных бумаг в пространстве. Это и движение прав по ценным бумагам, помещенным у депозитария, посредством безналичных переводов прав со счета на счет, и удостоверение одним документом прав на несколько ценных бумаг и др. См.: Вершинин А. П. О «материализации» прав в бездокументарных бумагах. // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права. Сборник научных трудов. Выпуск 2. СПб, 1997. С. 38—42. В предлагаемой статье внимание автора акцентируется преимущественно на рассмотрении так называемых электронных ценных бумаг, являющихся по отношению к традиционным бумажным ценным бумагам своего рода антиподом, находящимся на противоположной стороне ряда материализация («овеществление») прав — дематериализация («разовеществление») прав.

² Витрянский В. В. Обеспечение исполнения договорных обязательств / Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут. 1998. С. 416. См. также: Белов В. А. Бездокументарные ценные бумаги. Научно-практический очерк. М., 2001; Юлдашбаева Л. П. Правовое регулирование оборота эмиссионных ценных бумаг (акций, облигаций). М., 1999. С. 33—74; Шаталов А. Как защитить права на бездокументарные ценные бумаги // Рынок ценных бумаг. 1996. № 20. С. 66 и др.

³ Белов В. А. Предисловие к изданию / Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. С. 9; Коршунов Н. М., Митрошина М. В., Эришвили Н. Д. Ценные бумаги как объект гражданского права. М.: Юнити. 2000. С. 42—45; Канн С. Ю. Защита прав владельцев ценных бумаг. Автореф. дисс. к. ю. н. М., 2000. С. 8 и др.

противление многих цивилистов против допустимости применения виндикации к бездокументарным ценным бумагам может поколебать начавшую было складываться судебную практику, краткий обзор которой приведен далее.

Вместе с тем мнение о принципиальной невозможности распространения на бездокументарную ценную бумагу режима вещи, а следовательно, и применения виндикации с точки зрения юридической теории опровергается целым рядом возражений.

Прежде чем привести основные контраргументы, следует сделать следующее общее замечание.

Очевидно, что известная условность рассматриваемой квалификации ценных бумаг в качестве вещей может быть преодолена прямым законодательным установлением. В соответствии со статьей 128 ГК РФ ценные бумаги отнесены к движимым вещам. При этом, формулируя данное положение, законодатель прямо не исключает из вещей бездокументарные ценные бумаги.

Кроме того, в статье 2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», посвященного преимущественно бездокументарным ценным бумагам, при формулировании понятия «владелец» законодатель определяет, что это «лицо, которому ценные бумаги принадлежат на праве собственности или ином вещном праве».

Чего же более? На первый взгляд может показаться, что законодатель со своей позицией определился и дальнейшие рассуждения носят лишь академический характер и никоим образом не должны влиять на судебную практику, во всяком случае, до тех пор, пока публичная власть не установит иное.

Но, может быть, изъятие бездокументарных ценных бумаг из разряда вещей сделано законодателем не в статье 128 ГК РФ, а где-нибудь в ином месте — косвенно?

В самом деле, в соответствии с пунктом 1 статьи 149 ГК РФ к бездокументарной ценной бумаге («форме фиксации прав») применяются правила, установленные для ценных бумаг, если иное не вытекает из особенностей бездокументарной

формы «фиксации прав». Имеется ли такая особенность («иное») бездокументарной ценной бумаги, которая исключила бы возможность применения к ней режима вещей? Думаю, что принципиальных препятствий для этого нет. Во всяком случае, их ничуть не более, чем для документарной ценной бумаги.

1. Во-первых, несмотря на, казалось бы, устоявшееся деление правоотношений на вещные и обязательственные, классификация эта, как неоднократно уже отмечалось в специальной литературе, в высшей степени условна, и «большинство гражданских правоотношений является смешанным «вещно-обязательственным»⁴. Поэтому довод о том, что бездокументарная ценная бумага, строго говоря, материальной вещью не является и по этой причине не может выступать объектом вещных правоотношений, следует если и принимать, то с многочисленными оговорками и допущениями.

Гораздо важнее выявить природу отношений, обуславливаемых бездокументарной ценной бумагой, которая устанавливается, в частности, из задач, решаемых рассматриваемым правовым институтом в коммерческом обороте, тех преимуществ, которые он предоставляет в сравнении с иными институтами, призванными обслуживать оборот долгов.

2. Во-вторых, попытаюсь вкратце обозначить основное значение ценной бумаги и ее отличие от цессии.

В истории развития частного права прошло не одно тысячелетие, прежде чем права требования стали самостоятельным объектом предпринимательского оборота. Столь длительный путь прав требования к передаваемости (оборотоспособности) объясняется теми правовыми подходами, которые вначале были сформированы римским частным правом, а в дальнейшем преодолевались и пересматривались рецепировавшим его европейским правом.

Введение ценной бумаги в коммерческий оборот позволило перераспределить между его участниками не только бремя доказывания достоверности соответствующего права, но и определенные, связанные с реализацией права,

⁴ Брагинский М. И. К вопросу о соотношении вещных и обязательственных правоотношений // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С. А. Хохлова / Отв. ред. А. Л. Маковский. М., 1998. С. 115. См. также: Толстой Ю. К. / Гражданское право: Учебник / Под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. М., 1996. С. 286; Райхер В. К. Абсолютные и относительные права // Известия экономического факультета ЛПИ. Вып. 1 (XXV). Л., 1928. С. 273—306 и др.

риски, лежащие как на кредиторе, так и на должнике⁵.

При обороте долга, воплощенного в ценную бумагу, в сравнении с общегражданской конструкцией цессии, значительно снижаются риски всех участников соответствующих отношений — должника, первоначального кредитора, последующего кредитора. Для снижения рисков, а следовательно, повышения оборотоспособности долгов особый документ наделялся специфическими признаками и свойствами (повышенная формальность, презентация документа, публичная достоверность, абстрактность долга и др.).

В дополнение к родовым признакам и свойствам для повышения оборотоспособности долга используются дополнительные правовые конструкции, варьируемые в зависимости от вида ценной бумаги (ответственность первоначального кредитора перед последующим за исполнение долга — для ордерных ценных бумаг, регистрация перехода права на ценную бумагу в книгах должника — для именных эмиссионных ценных бумаг и др.).

Все эти правовые решения, как родовые, так и видовые, призваны повысить доверие потенциального кредитора к действительности и исполнимости долга, снизить и перераспределить возникающие у него риски в сравнении с рисками должника и первоначального кредитора (риски по точному определению участников отношений, доказанности наличия и содержания долга, его исполнимости). В самом деле, ведь новый кредитор может и не знать о взаимоотношениях первоначального кредитора и должника, о тех возражениях, который последний может заявить в связи с основанием возникновения долга. Поэтому для побуждения потенциального кредитора к принятию решения о приобретении права требования нужно было сообщить ему полную и достоверную информацию об условиях обязательства с должником.

Сравнивая передачу прав требования в порядке цессии и по ценной бумаге, К. П. Победоносцев отмечал, что обычно «обязательство неразрывно связано с лицом, так что даже при передаче требования от одного лица к другому на обяза-

тельстве остается след тех лиц, которым оно прежде принадлежало, так что должник возражения свои может извлекать из тех отношений, которые существовали между ним и прежними владельцами этого права. Напротив, в особых актах личное отношение должника и кредитора, личное обязательство либо совершенно исчезают, либо получают второстепенное, слабое значение. Требование связано с актом и вместе с ним становится совершенно подобно движимой вещи, которая передается просто от лица к лицу, без ображения личностей, между коими обращается. Акт становится предметом вещного права – собственности, владения»⁶.

В период формирования института ценных бумаг бумажный носитель информации, с точки зрения достоверности последней, признавался наиболее надежным. Неслучайно поэтому длительное время в судебном процессе многих стран бумажным доказательствам отдавался приоритет перед свидетельскими показаниями.

При формулировании понятия ценной бумаги как особого рода документа, исполняемого на бумажном носителе, в условиях отсутствия эффективных средств коммуникации между участниками коммерческого оборота бланк ценной бумаги был необходим для решения как минимум двух задач.

1 Бланк ценной бумаги служил для передачи информации о содержании права требования, являясь как специфическим носителем информации о долге, так и средством связи для ее передачи. Иными словами рассматриваемый бланк являлся своего рода письмом (уведомлением), адресованным одним участником коммерческого оборота другому.

2 Бумажный носитель информации о долге играл роль доказательства принадлежности права определенному лицу. В течение длительного исторического периода фактическое обладание ценной бумагой (ее держание) было необходимым условием для установления управомоченности кредитора.

Доказательственное и коммуникативное значение бланка ценной бумаги было

⁵ См.: Агарков М. М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. М., 1994; Коммерческое право. Часть 1: Учебник / Под ред. В. Ф. Попондопуло, В. Ф. Яковлевой. — 3-е изд. М., 2002. С. 230—249.

⁶ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Том 3. По изд. 1896 года. М.: Зерцало. 2003. С. 233. См. также: Цитович П. П. Очерк основных понятий торгового права. М., 2001. С. 201. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Том 2 / Классика российской цивилистики. М., 2003. С. 63 и др.

особенно велико для отношений по обороту прав требования при предложении последних их потенциальному приобретателю (новому кредитору).

С развитием же электронных и компьютерных технологий подтверждение информации о праве и ее передача между участниками коммерческого оборота, в том числе при предложении права требования новому кредитору, существенно упростились. Более того, задачи коммуникации и подтверждения соответствующей информации, как оказалось, решаются значительно эффективнее, если такая информация помещается не на бумажный, а на электронный носитель. Закономерным итогом технического прогресса, преодолевшего объективно существовавшие ранее коммуникативные барьеры, стала дематериализация информации об особом праве, замена документарных (бланковых) ценных бумаг бездокументарными («безбумажными», «электронными»). В процессе развития средств связи были найдены такие технические решения, которые позволили не только идентифицировать электронные документы, в том числе ценные бумаги, но и практически уравнивать их доказательственную силу с бумажными. Введение в оборот бумажных документов, наделенных специфическими свойствами, способствовало, как уже отмечалось, снижению рисков, связанных с определением состава долгового обязательства надлежащего кредитора и должника. Электронные документы выполняют ту же функцию. Однако платой за привнесенное ими преимущество по ускорению передачи информации о праве стало появление рисков, не характерных для обращения бумажных документов. Речь идет о новых рисках, связанных с деятельностью посредника (ов), поддерживающего (их) технические средства, которые используются для хранения и передачи в электронном виде информации о праве. Оставляя за рамками данной работы анализ особенностей этой группы рисков, отмечу, что объективно обусловленное наличие их, как представляется, все же не умаляет для участников коммерческого оборота преимуществ использования особой формы фиксации права в сравнении с цесси-

ей, позволяющих сохранить такие электронные документы в рамках одного родового института — ценных бумаг.

В связи с этим рассматриваемое закрепление на электронном носителе информации о праве не противоречит природе ценной бумаги и в этом смысле не отличается от документарной (бумажной) формы.

Приведем еще один довод в пользу того, что изъятие из общих правил о ценных бумагах, применяемых к бездокументарным ценным бумагам, ни косвенно, ни тем более прямо не исключает возможность виндикации в отношении особого способа фиксации права.

3. В-третьих, понятие вещи, строго говоря, едва ли охватывает и саму документарную ценную бумагу, и поэтому, если следовать логике оппонентов виндикационных исков, последние не должны применяться к любым ценным бумагам, независимо от их формы.

В самом деле, понятие вещи, разработанное еще римскими юристами, остается незыблемым для российской цивилистики и по сей день. Вещью признается «физически осязаемый» объект материального мира, свойства которого проявляются при непосредственном с ним взаимодействии («соприкосновении») ⁷. Для использования (потребления) свойств вещи человек действует самостоятельно, употребляет личную власть (непосредственное господство) над ней. Отношения же обладателя вещи с другими членами общества по поводу использования вещи имеют абсолютный («вещно-правовой») характер: все и каждый обязаны воздержаться от вторжения в хозяйственную сферу обладателя вещи, неограниченный круг лиц, противостоящий правообладателю, обязан не создавать последнему каких-либо препятствий в использовании вещи, в том числе путем лишения правообладателя владения (держания) вещью. В этом смысле правообладатель (кредитор) имеет определенное право на «пассивное» поведение всех прочих лиц ⁸.

В то же время для соприкосновения с вещью и извлечения (сохранения и т. п.) ее полезных свойств правообладатель может

⁷ Санфилино Чезаре. Курс римского частного права. Учебник. Перевод с итальянского. М., 2002. С. 51—52 (Cesare Sanfilippo. *Istituzioni Di Diritto Romano*. Nona edizione. Rubbettino. 1996); Римское частное право. Учебник / Под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. По изданию 1948 года. М., 1994. С. 147—148. Гражданское право. Том 1. Учебник. 2-е издание / Под ред. проф. Е. А. Суханова М., 1998. С. 300—301 и др.

⁸ См.: Победоносцев К. П. Указ. соч. Том 1. С. 3 и след.

прибегнуть к содействию других лиц, определив степень их вторжения в сферу своего воздействия на вещь. В таком случае правообладатель вещи получит право на определенное «активное» поведение конкретного противостоящего ему лица⁹. Такие отношения между последним (должником) и правообладателем вещи (кредитором) носят относительный обязательственный характер. Наличие обязательственных правоотношений с конкретным лицом сохраняет вещно-правовые отношения правообладателя вещи со всеми прочими лицами. Так, если вещь передана на хранение, в аренду, для перевозки и т. п., никто иной, кроме лица, определенного собственником (или публичным правопорядком), по-прежнему не вправе претендовать на какое-либо использование свойств вещи в своем интересе.

Приложение к ценным бумагам этой широко распространенной, по сути поддерживаемой оппонентами виндикации, хотя и небесспорной концепции, положенной в основу построения российского гражданского законодательства, приводит к следующим наблюдениям.

При физическом соприкосновении с бланком ценной бумаги, как самого ее правообладателя, так и назначенного последним лица, проявляются лишь свойства материала, из которого бланк изготовлен. Для извлечения же ценности (права требования), воплощенной в особом способе фиксации информации о праве, одного лишь «физического соприкосновения» явно недостаточно. Необходимо обращение к должнику, известному лицу, с требованием о конкретном активном поведении в интересах правообладателя. С другой стороны, для заявления требования по обязательственному отношению правоотношению, то есть для обращения к должнику, не обойтись и без «физического соприкосновения», без возможности непосредственного воздействия на документ, фиксирующий информацию о праве. Ведь такой документ обязан быть предъявлен, его содержание и принадлежность должны быть проверены должником или назначенным им лицом.

С учетом сказанного, думаю, не вызывает сомнения то, что значимость ценной

бумаги заключается в воплощенном в ней праве, а не в том материальном носителе (самой бумаге, «вещи»), который фиксирует информацию об этом праве. В этом смысле документарная ценная бумага, строго говоря, вещью не является. В то же время, как уже давно замечено и законодателем, и доктриной¹⁰, ценная бумага не только подтверждает (доказывает) наличие и принадлежность права, она позволяет осуществить его только при условии непосредственного юридического господства над нею. Для сохранения такого господства, снижения рисков его утраты, а следовательно, для обеспечения возможности правообладателя бумаги вступить в обязательственные отношения с должником необходимо оградить правообладателя от вторжения в сферу его воздействия на ценную бумагу всех и каждого. Задача эта решается только в рамках абсолютного правоотношения, характерного для защиты имущественного интереса правообладателя вещи.

Как подметил еще в XIX столетии один из российских исследователей теории ценных бумаг Н. О. Нерсесов, «некоторые из институтов гражданского права стоят как бы на рубеже вещного и обязательственного права. К числу их относятся и бумаги на предъявителя (ценные бумаги. — А. Б.). По некоторым свойствам они подлежат определениям обязательственного права, а по другим – вещного права»¹¹.

Такая двойственность документарной ценной бумаги, являющейся одновременно объектом и вещного, и обязательственного права, сохранена российским законодателем и в наши дни. Приведу лишь несколько примеров, подтверждающих эту мысль. Квалифицировав ценные бумаги как вещи (статья 128 ГК РФ), законодатель применительно к именованным ценным бумагам поместил в пункте 2 статьи 146 ГК РФ правило, в соответствии с которым одного лишь вручения приобретателю именной ценной бумаги (в том числе и документарной) по правилам о переходе прав на вещи («традиции») недостаточно. Для этого необходимо соблюсти и правила, установленные для уступки обязательственного права требования (цессии). В свою очередь, нельзя не заметить

⁹ Права на «чужие действия». См.: Мейер Д. И. Русское гражданское право. Ч. 1 / Классика российской цивилистики. М., 1997. С. 139.

¹⁰ См., напр.: Победоносцев К. П. Указ. соч. Том 3. С. 233.

¹¹ Нерсесов Н. О. О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права / Избранные труды по предствительству и ценным бумагам в гражданском праве / Классика российской цивилистики. М., 1998. С. 205.

и того факта, что законодатель поместил среди норм о цессии правило, посвященное ордерным ценным бумагам — «вещам» («Уступка требования по ордерной ценной бумаге совершается путем индоссамента на этой ценной бумаге» — пункт 3 статьи 389 ГК РФ).

Таким образом, убедившись в условности отнесения документарной ценной бумаги к вещам¹² с точки зрения и классического, и современного определения этих понятий, необходимо ответить на вопрос о том, может ли та же степень условности быть сохранена и для бездокументарной ценной бумаги.

Особенностью вещи является ее физическая, материальная объективизация. Но ведь форма ценной бумаги как вида юридического документа не ограничивается лишь бумажным носителем¹³. Ценная бумага может быть исполнена и на других материальных носителях, например на диске компьютера. Так же, как и для бумажного документа, в данном случае ценность вещи для ее правообладателя будет заключаться не в материальных свойствах документа — носителя информации о праве, а в самом праве. Объективизация рассматриваемого электронного документа проявляется и в нахождении последнего исключительно у определенного известного лица (у самого должника или у профессионального участника рынка ценных бумаг).

Применимы к рассматриваемым электронным документам и рассуждения о причинах распространения на бумажные ценные бумаги абсолютных правоотношений между правообладателем и неограниченным кругом лиц. В самом деле, без обращения к электронному документу, «фиксирующему информацию о праве», правообладатель так же, как и с бумажной ценной бумагой, не сможет осуществить или передать свое право. Поэтому правообладатель электронного документа, так же как и бумажного, должен быть

обеспечен возможностью извлекать из права соответствующие полезные свойства. Все третьи лица, не уполномоченные самим правообладателем (или публичным порядком), обязаны воздержаться от какого бы то ни было «соприкосновения» с электронным документом. Как для бумажных, так и для электронных документов, обстоятельства, связанные с выбытием документа из сферы юридического господства правообладателя, обусловлены утратой или уничтожением документа. Для любых документов соответствующие риски возникают, как правило, в результате деятельности похитителей с той лишь разницей, что похитители электронных документов (так называемые хакеры) для осуществления своих преступных замыслов должны обладать специальными познаниями в области электронной техники. Разумеется, выбытие из сферы господства правообладателей, помимо их воли, любых документов возможно в результате ненадлежащего поведения лиц, которым документы были ранее вверены, либо самим правообладателем, либо публичной властью. Например, депозитарий или брокер ошибочно передали бланки документарных ценных бумаг неуполномоченному лицу, либо регистратор внес изменение в систему учета электронных документов без достаточных на то оснований и т. д., и соответствующие документы поступили в обращение.

Очевидно, что лишь сочетание относительных и абсолютных правоотношений, характерное для оборота бездокументарной ценной бумаги, само по себе недостаточно для заявления о том, что такая бумага достойна помещения в родовое понятие наряду с бумажными документами, и поэтому виндикация в отношении рассматриваемого способа фиксации информации о праве возможна. Ведь такое же сочетание может быть обнаружено и у объектов так называемой интеллектуальной собственности (авторские права,

¹² Для объяснения двойственности природы ценной бумаги с точки зрения деления прав на вещные и обязательственные современным российским исследователям пришлось вспомнить о существовавших еще в римском праве и сохраненных поныне во многих государствах бестелесных вещах. См., напр.: Д. В. Мурзин. Ценные бумаги — бестелесные вещи. М., 1998.

¹³ Для отдельных видов ценных бумаг российский законодатель делает исключения, устанавливая требование об исполнении их исключительно на определенном виде материального носителя. Так, только в документарной (бумажной) форме должны выпускаться векселя, эмиссионные ценные бумаги на предъявителя (статья 4 Федерального закона от 11.03.97 «О переводном и простом векселе» // СЗ РФ. 1997. № 11. Ст. 1238; статья 16 Закона о рынке ценных бумаг). Следует, однако, обратить внимание на то, что мировое сообщество стремится создать такие правовые и организационные механизмы, которые бы уравнили юридическую силу бумажных и электронных документов. Не случайно, например в Великобритании, коносамент — вид товарной ценной бумаги — может выпускаться на электронном носителе (ss. 1(5), 5(2) Carriage of Goods by Sea Act 1992).

изобретения, промышленные образцы и т. п.)¹⁴. Для интересующего в контексте данной работы разграничения правоотношений, возникающих по поводу интеллектуальной собственности и бездокументарной ценной бумаги, аргумент о двойственности правоотношений, в которые вовлекается правообладатель последней, должен рассматриваться в совокупности с аргументом об особенностях природы бездокументарной ценной бумаги и тех задачах, которые этот правовой институт призван решать. Извлечение полезных свойств объектов интеллектуальной собственности не обусловлено столь тесной зависимостью от конкретного материального носителя, находящегося у конкретного лица и содержащего информацию об этом объекте. Напротив, обладатель права требования по электронной ценной бумаге сможет реализовать его только при обеспечении господства обладателя над («соприкосновения» с) конкретным документом.

Ценная бумага хотя и служит средством коммуникации информации о праве, однако с понятием информации полностью не совпадает. Дело в том, что применительно к ценным бумагам сведения о праве приобретают особое юридическое значение только в том случае, если они тесно связаны с определенным носителем этой информации — документом, составляемым в соответствии со специфическими требованиями и находящимся, как правило, в одном пространственно определенном месте — у известного конкретного лица. Исключение доступа правообладателя к такому конкретно определенному носителю информации лишает владельца особого документа возможности использовать сведения о праве в своем интересе, то есть для извлечения полезных свойств соответствующего права требования.

То обстоятельство, что при передаче содержащейся в электронном документе информации о праве средствами электронной коммуникации такая информация может менять несколько материальных носителей (например, закрепляться в компьютерах брокеров, биржи, депозитария и т. п. при электронной торговле на фондовой бирже), не имеет существенного значения для

определения природы правоотношений между правообладателем бездокументарной ценной бумаги и противостоящим ему неограниченным кругом лиц. В конечном итоге для извлечения полезных свойств соответствующего права требования правообладатель, а также все те, кто для этих же целей намерен вторгнуться в сферу экономического господства последнего, должны будут обратиться исключительно к конкретному, заранее определенному лицу (регистратору, депозитарию).

Потенциальному приобретателю (новому кредитору) права требования, удостоверенного особым образом, заранее доступны и могут быть известны условия «фиксации» и «хранения» сведений о праве. Эти условия устанавливаются едиными для всех регистраторов (депозитариев) публичной властью и поэтому являются общенормативными. Последнее обстоятельство позволяет наделять свойством публичной достоверности не только традиционные «бумажные» ценные бумаги, но и бездокументарные. Видимо, неслучайно и сам законодатель в отношении бездокументарных ценных бумаг упомянул в части третьей пункта 1 статьи 149 ГК РФ, что соответствующая фиксация прав и правообладателей является официальной.

Как и всякий документ, ценная бумага является средством доказывания определенных фактов (стороны долгового обязательства, его содержания и др.). Составление документа в особой, заранее определенной и потенциально общеизвестной форме в соответствии со специфическим порядком повышает доверие участников оборота к достоверности содержащейся в таком документе информации. Поэтому такая информация о праве, фиксируемая официально особым образом как на бумажном, так и электронном носителе, является, пока не доказано иное, публично достоверной. Следовательно, лицу, имеющему исключительное господство над рассматриваемой информацией, не требуется представления иных доказательств (информации на иных носителях) для подтверждения своей управомоченности в отношениях как с должником, так и с потенциальным приобретателем соответствующего права

¹⁴ См., напр., Городов О. А. Интеллектуальная собственность: правовые аспекты коммерческого использования. СПб, 1999. С. 19—24.

требования. Во избежание недоразумений следует вновь подчеркнуть, что публичную достоверность информация приобретает не сама по себе, а лишь в силу ее особого закрепления на специальном носителе — документе, называемом ценной бумагой. Поэтому ценная бумага представляет из себя не информацию или само право, а особого рода документ.

Заключая рассуждения о природе отношений, складывающихся между правообладателем ценной бумаги и противостоящим ему неограниченным кругом лиц, необходимо обозначить свою позицию и вот по какому вопросу. Свойство публичной достоверности присуще не только информации, содержащейся в ценной бумаге, но и находящейся в некоторых иных документах. Так, в соответствии с положениями статей 2, 7, 8, 12 и других Федерального закона от 21.07.97 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» свойство публичной достоверности характерно и для информации о зарегистрированном праве на недвижимость¹⁵. Информация о праве на недвижимость особым образом фиксируется и хранится в специальном документе — Едином государственном реестре прав.

Позволяет ли совпадение свойств сравниваемых документов допустить вывод о том, что и Единый государственный реестр прав является своего рода ценной бумагой, а следовательно, продолжая логику автора этой статьи, необходимо заявлять виндикационные иски и для восстановления утраченной в названном реестре информации о праве (записей) при сравнимых обстоятельствах?

Конечно же, это не так. Для извлечения полезных свойств недвижимости правообладателю достаточно иметь с ней физическое соприкосновение (владеть ею). Чтобы использовать дом по назначению, владельцу его нет необходимости всякий раз обращаться к соответствующим записям в Едином государственном реестре прав.

Такое обращение к особому документу может потребоваться (и то не всегда) для

доказывания своей управомоченности в отношениях с третьими лицами. Представим, что в Единый государственный реестр прав без достаточных оснований и воли собственника внесена запись о переходе прав на недвижимое имущество к третьему лицу. При этом, однако, фактическое господство над недвижимостью (держание) сохранилось за собственником или назначенным им лицом. Очевидно, что в таком случае необходимость в заявлении виндикационного иска отсутствует.

Что же касается ценных бумаг, то обращение к ним всегда необходимо не только в отношениях с третьими лицами, но и для извлечения полезных свойств права требования в отношениях с должником. В самом деле, в соответствии со статьей 142 ГК РФ для осуществления прав, удостоверяемых ценной бумагой, она должна быть предоставлена (предъявлена) должнику. В силу же частей шестой и седьмой статьи 29 Закона о рынке ценных бумаг осуществление прав по именным бездокументарным эмиссионным ценным бумагам производится эмитентом (должником) в отношении лиц, указанных в системе ведения реестра, на основании информации, содержащейся в реестре на определенный момент (для реализации прав акционера — это список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, список лиц, имеющих право на дивиденды, — статьи 42 и 51 Федерального закона «Об акционерных обществах» и др.). Поэтому в случае внесения, например в реестр акционеров, записи об изменении правообладателя акций без достаточных на то оснований либо помимо воли последнего владелец акции будет лишен возможности какого-либо ее использования в своем интересе.

4. В-четвертых, приводя аргументы в пользу допустимости виндикации в отношении бездокументарных ценных бумаг, следует назвать и еще один, возможно кажущийся формальным. Несмотря на глубокие и разветвленные корни виндикации, само понятие этого института, элементы и иные условия иска об истребовании собственником или иным титульным владельцем своего имущества из чужого незаконного владения по-преж-

¹⁵ Петров Е. Ю. К вопросу о публичной достоверности государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним / Цивилистические записки. Межвузовский сборник научных трудов. М., 2001. С. 220—233.

нему вызывают бурные дискуссии¹⁶. По этому то обстоятельству, что в соответствии с приведенным выше суждением В. В. Витрянского бездокументарная ценная бумага «лишена вещно-правовых элементов, сохраняя лишь элементы обязательственные» (даже если и предположить истинность этого мнения при всей его условности), само по себе вовсе недостаточно для полного исключения рассматриваемого способа защиты права в отношении электронных ценных бумаг. Приведу лишь несколько иллюстраций неоднозначного толкования виндикации.

Начать следует с апелляции к действующему закону, в соответствии с которым объектом виндикации является имущество (статья 301 ГК РФ). Как известно, имущество включает в себя, в частности, не только вещи, но и имущественные права требования (статья 128 ГК РФ, Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2000 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании Timber Holdings International Limited¹⁷).

Другим (но далеко не единственным) примером спорности применения виндикации являются разночтения относительно того, какие именно вещи могут быть истребованы. Так, по мнению ряда ученых, входящих в научно-консультативный совет при Федеральном арбитражном суде Северо-Западного округа, виндцирована может быть только индивидуально-определенная вещь¹⁸. Точнее представляется иное суждение, в соответствии с которым «нет никаких оснований для недопущения виндикации родовых вещей, точнее, вещей, определяемых родовыми признаками. Необходимо только, чтобы спорная вещь могла быть так или иначе индивидуализирована и идентифицирована. Так, например, может быть

виндцирован мешок картофеля, вагон зерна и т. п., поскольку можно доказать тождество вещей, находящихся у ответчика, с вещами, утраченными собственником»¹⁹.

5. В-пятых, отмеченная выше противоречивость законодательства, неоднозначность его толкования, необходимость переосмысления относительно новых правовых институтов, в том числе и бездокументарных ценных бумаг, несомненно, затрудняют деятельность суда. Между тем и у этой медали есть обратная сторона — отсутствие прямых законодательных установлений по многим возникающим на практике вопросам предоставляет судье больше возможностей для избрания того правового института, который, по его мнению, в наибольшей степени соответствует представлениям о справедливости. Ведь в соответствии с одним из конституционных принципов каждый имеет право на справедливое рассмотрение его дела судом.

Значение судебной практики оценивается по-разному. Но независимо от разрешения дискуссии в пользу или против сторонников отнесения судебного прецедента к источнику права, трудно не согласиться с тем, что во в любом случае на законодателя оказывают влияние тенденции, складывающиеся в судебной практике.

Так, неразрывность личной связи между должником и кредитором, как в континентальном праве, так и тем более в общем, была преодолена во многом благодаря праву не материальному, а процессуальному — судебной практикой. По мнению Н. О. Нерсесова, в недрах процессуального права были возвращены и ценные бумаги на предъявителя, перекочевавшие затем в материально-правовые нормы: «Документы эти, будучи вначале актами судебного уполномочия, стали впоследствии и актами передачи прав по

¹⁶ См.: Рахмилович В. А. О праве собственности на вещь, отчужденную неуправомоченным лицом добросовестному приобретателю (к вопросу о приобретении права от неуправомоченного лица) / Проблемы современного гражданского права: Сборник статей. М., 2000. С. 126—144. Кочеткова Ю. А. Соотношение вещно-правовых и обязательственно-правовых способов защиты права собственности: древнеримские истоки и современная Россия / Актуальные проблемы гражданского права. Выпуск второй. М., 2000. С. 8 и след.

¹⁷ СЗ РФ. 2000. № 21. Ст. 2258.

¹⁸ Заключение от 18.12.98 № 3 «В связи с обзором арбитражной практики по соотношению исков об истребовании имущества (виндикационных исков) и исков о применении последствий недействительности ничтожных сделок в виде истребования имущества» // ИПС Кодекс. См. также: Гражданское право. Том 1. Учебник. 2-е издание. Под ред. проф. Е. А. Суханова. М., 1998. С. 616.

¹⁹ Черепихин Б. Б. Виндикационные иски в советском праве // Труды по гражданскому праву. Классика российской цивилистики. М., 2001. С. 177—178. На условность различия между индивидуально-определенными и родовыми вещами обращено внимание и А. П. Сергеевым // Гражданское право. Том 1. Учебник. Под ред. проф. А. П. Сергеева и проф. Ю. К. Толстого. М., 2002. С. 554.

обязательствам»²⁰. Вероятно, аналогичные процессы происходят и сейчас, но уже в отношении бездокументарных ценных бумаг. С одной стороны, их материально-правовая природа допускает применение особых процессуальных форм, выражающихся в характерном для виндикации предмете доказывания, распределении бремени доказывания и т. д., а с другой — процессуальная специфика еще более подтверждает объективную обусловленность соответствующих материально-правовых отношений.

Как видно из приведенных выше рассуждений, материальная природа бездокументарной ценной бумаги сама по себе не препятствует применению правил о виндикации. Более того, юридическая природа отношений, в которые вовлекается бездокументарная ценная бумага, диктует в ряде случаев необходимость применения именно такого средства правовой защиты, как виндикация.

В самом деле, казалось бы, задача восстановления доступа к особому способу фиксации права может быть решена и через применение обязательственно-правовых способов защиты права. Но эти способы хороши только в тех случаях, когда ценная бумага поступила в сферу господства лица, находившегося с правообладателем (предыдущим кредитором) в относительных правоотношениях. Но если ценная бумага уже находится в обороте и, например, перепродавалась несколько раз, то применение обязательственно-правовых способов (через признание недействительными череды всех соответствующих сделок) по известным причинам для правообладателя будет затруднительным. Обращение с требованием о восстановлении (возврате) права непосредственно к лицу, осуществляющему господство над «особым способом фиксации информации о праве», может стать более эффективным.

С другой стороны, для всех иных случаев, когда ценная бумага была приобретена от лица, не имевшего права ее отчуждать, обязательственно-правовые способы защиты права в недостаточной мере учитывают интересы еще одного участника обо-

рота — добросовестного приобретателя. Вряд ли такое перераспределение риска между добросовестным приобретателем и собственником в пользу последнего будет справедливым. Именно на это и обратил внимание Конституционный Суд РФ в Постановлении от 21.04.03 № 6-П. В частности, Конституционный Суд отметил, что (1) в тех случаях, когда имущественные права на спорную вещь, возникшие на предусмотренных законом основаниях, имеют другие, помимо собственника, лица — владельцы и пользователи вещи, этим лицам также должна быть гарантирована государственная защита их прав. К числу таких имущественных прав относятся и права добросовестных приобретателей; (2) федеральный законодатель должен предусматривать такие способы и механизмы реализации имущественных прав, которые обеспечивали бы защиту не только собственникам, но и добросовестным приобретателям как участникам гражданского оборота. В противном случае для широкого круга добросовестных приобретателей, проявляющих при заключении сделки добрую волю, разумную осмотрительность и осторожность, будет существовать риск неправомерной утраты имущества, которое может быть истребовано у них в порядке реституции²¹.

Свои рассуждения Конституционный Суд развивал применительно к сделкам с недвижимостью, однако сделанные им выводы ничуть не менее востребованы участниками рынка ценных бумаг.

Напомню, что в сравнении с правилами о цессии ценная бумага во все времена служила средством оптимизации обращения долгов, обеспечивая определенным образом снижение рисков и повышение уверенности всех участников соответствующих правоотношений — должника, первоначального кредитора, нового (потенциального) кредитора. Для оптимизации оборотоспособности долгов необходимо было сообщить новому кредитору через заслуживающие доверие средства коммуникации обо всех тех возражениях, которые должник вправе был ему заявить, исключив или существенно ограничив те

²⁰ Нерсесов Н. О. О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права / Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве / Классика российской цивилистики. М., 1998. С. 188.

²¹ Этим Постановлением Конституционный Суд разрешил поддерживавшуюся длительное время теоретическую дискуссию о конкуренции вещно-правовых и обязательственно-правовых исков. Отсутствие единства мнений среди теоретиков пагубно сказывалось и на судебной-арбитражной практике. См.: Скворцов О. Ю. Вещные иски в судебной-арбитражной практике. М., 1998. С. 52—59.

из них, которые были основаны на отношениях должника с предыдущим кредитором. Ценная бумага, определенным образом перераспределяя риски между участниками отношений по обращению долга, предоставляла наибольшие преимущества новому кредитору. Очевидно, что защита прав нового кредитора, добросовестно приобретшего право требования по ценной бумаге, в том числе бездокументарной, имеет огромное значение для эффективности применения рассматриваемого института.

Необходимость учета интересов добросовестного приобретателя по ценной бумаге подвигнула российского законодателя к установлению особого правила для ценных бумаг на предъявителя: при выявлении добросовестности приобретателя виндикация таких бумаг не допускается, независимо от возмездности и иных условий приобретения (пункт 3 статьи 302 ГК РФ). Закрепление этого правила, по мнению Е. А. Суханова, обусловлено тем, что «невозможно истребовать... предъявительские ценные бумаги (пункт 3 статьи 302 ГК РФ) из-за практических сложностей теоретически возможного доказывания их индивидуальной определенности и возможности получения однородной по характеру (денежной) компенсации от непосредственного причинителя имущественного вреда»²². Но ведь все те же затруднения могут возникнуть и при истребовании ценных бумаг на предъявителя и от недобросовестного приобретателя, однако в таком случае закон истребование допускает. Точнее все же представляется позиция, высказанная Н. О. Нерсесовым. Он полагал, что запрет виндикации ценных бумаг на предъявителя вызван не соображениями защиты прав первоначального собственника или процессуальной экономией, а, скорее, учетом интересов добросовестного приобретателя²³ (последующего кредитора).

Интересы добросовестного держателя ценной бумаги на предъявителя защищаются и предоставлением ему определенных процессуальных средств правовой

защиты в случае признания принадлежащего ему документа недействительным или приостановления исполнения по нему в порядке вызывного производства (статья 298, пункт 2 статьи 301 Гражданского процессуального кодекса РФ²⁴).

Как видно из приведенных далее дел, для обеспечения доступа правообладателя к особой фиксации своих прав отечественная судебная практика права под влиянием нужд коммерческого оборота, вопреки подавляющему мнению доктрины, переоценила многочисленные отказы судов первой и апелляционной инстанций в защите прав и признала в итоге не только возможность, но и необходимость заявления виндикационных исков.

При определении добросовестности владельца эмиссионной ценной бумаги, в том числе бездокументарной, необходимо учитывать, что в Законе о рынке ценных бумаг по сравнению с нормой пункта 1 статьи 302 ГК РФ это понятие уточняется. Добросовестным приобретателем признается лицо, которое приобрело ценные бумаги, произвело их оплату и в момент приобретения не знало и не могло знать о правах третьих лиц на ценные бумаги, если не доказано иное (часть двадцатая статьи 2).

Обращает на себя внимание то, что добросовестность применительно к эмиссионным ценным бумагам включает в себя не только субъективное отношение приобретателя к определенным фактам («не знал и не мог знать»), но и объективные признаки: ценные бумаги должны быть оплачены приобретателем. Таким образом, признак возмездности помещен в понятие добросовестности и уточнен указанием на фактическую оплату приобретения.

Кроме того, в отличие от общей нормы в Законе о рынке ценных бумаг уточняется, что добросовестный приобретатель — это лицо, которое не знало и не могло знать о правах третьих лиц на ценные бумаги, а не только о том, что ценные бумаги приобретены у лица, которое не имело права их отчуждать.

²² Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. М., 1995. С. 269.

²³ Нерсесов Н. О. Указ. соч. С. 255 и след.

²⁴ Российская газета (20.11.02, № 220). В настоящее время выпуск ценных бумаг на предъявителя в электронном виде российским законодательством не предусматривается.

Б Практика

Если попытаться вкратце обозначить тенденции, наступающие в судебной практике по делам о виндикации бездокументарных ценных бумаг, то их можно было бы свести к следующим положениям.

Правила о виндикации должны применяться в том случае, если спорные ценные бумаги поступили или могли поступить к третьему лицу, в частности, в том случае, когда заявитель оспаривает списание информации о праве со своего счета и имеются доказательства зачисления бездокументарных ценных бумаг на счет иного приобретателя, не состоявшего непосредственно с заявителем в обязательственных правоотношениях.

За запись в реестре акционеров признается свойство публичной достоверности, она не может быть изменена иначе как по указанию уполномоченного лица или на основании судебного решения.

Признание недействительной первичной сделки по отчуждению ценных бумаг не является само по себе основанием для признания ничтожными всех последующих сделок с этими ценными бумагами. В таком случае не применяется принцип: «Никто не может передать прав больше, чем имеет сам».

Суды исследуют добросовестность приобретателя, устанавливая, в частности, степень его осведомленности об условиях первичного приобретения спорных ценных бумаг.

1.

Требование истца о восстановлении записи на его счете о владении спорными акциями на праве собственности путем списания со счета нового незаконного собственника фактически сводится к требованию о возврате акций, находящихся у лица, приобретшего их по договору с третьим лицом. Требование носит виндикационный характер и подлежит рассмотрению в соответствии со статьей 302 ГК РФ²⁵.

ЗАО «Сиб-Хормелинвест» обратилось в арбитражный суд с иском к ОАО «Специализированный регистратор «Альпари» о признании действительным последнего по списанию акций кемеровского открытого акционерного общества «Химпром» со счета истца в количестве 21000 штук не соответствующими требованиям закона и об обязанности со-

вершить операцию по восстановлению на лицевом счете истца в реестре акционеров регистрационной записи о владении на праве собственности указанными акциями (дело № А27-4195/98-4-168).

Решением суда первой инстанции исковые требования полностью удовлетворены, поскольку списание акций со счета истца и дальнейшее их отчуждение произведено с нарушением требований статьи 149 ГК РФ, статьи 8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» и пункта 7.3.3 Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг.

Суд отметил, что регистратор (ОАО «Специализированный регистратор «Альпари») распорядился акциями собственника без его указания (передаточного распоряжения), а лишь на основании выписки из решения суда общей юрисдикции, не вступившего в законную силу, и исполнительного листа с обращением к немедленному исполнению.

Суд исходил из факта добросовестного приобретения истцом акций ранее, что установлено решением Арбитражного суда Кемеровской области от 07.04.98 по делу № А27-1708/98-4-58.

Суд пришел к выводу о ничтожности первоначальной сделки купли-продажи акций (договор от 15.04.98 № 15/152-КМНР) и в связи с этим ничтожности всех последующих сделок купли-продажи акций, заключенных с третьими лицами.

Требование истца о восстановлении на лицевом счете записи о владении спорными акциями удовлетворено судом путем обязанности ЗАО «Регистроникс» (новый регистратор) списать акции с лицевых счетов (в реестре акционеров), принадлежащих третьим лицам.

Апелляционная и кассационная инстанции решение оставили без изменения. Однако при рассмотрении дела в порядке надзора все ранее принятые судебные акты были отменены, а дело — направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Президиум ВАС РФ указал, что требование истца о восстановлении записи на его счете о владении спорными акциями на праве собственности путем списания со счета нового незаконного собственника фактически сводится к требованию о возврате акций, находящихся у лица (ООО «Бизнес и консалтинг»), приобретшего их по договору с третьим лицом (ООО «КБ

²⁵ Президиум ВАС РФ, постановление от 28.12.99 № 1293/99.

«Кузбасский транспортный банк»). Это требование носит виндикационный характер и подлежит рассмотрению в соответствии со статьей 302 Гражданского кодекса Российской Федерации. По мнению надзорной инстанции, суд должен был исследовать обстоятельства, на основании которых можно было бы сделать вывод о добросовестности или недобросовестности приобретения акций предыдущими собственниками.

2.

Требование собственника (уполномоченного собственником лица) о возврате акций, предъявленное к добросовестному приобретателю, носит виндикационный характер и может быть удовлетворено лишь при наличии условий, предусмотренных статьей 302 ГК РФ²⁶.

Пункт 1 указанной статьи ГК РФ предусматривает, что если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от такого приобретателя лишь в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому собственник передал его во владение, либо похищено у кого-либо из них, либо было из их владения иным путем помимо их воли. Указанное правило распространяется на истребование из чужого владения именных ценных бумаг, в том числе акций.

3.

Реестродержатель не вправе по своей инициативе исключать из реестра акционеров внесенную в него запись о владельце акций²⁷.

Арбитражный суд удовлетворил исковые требования, поскольку обоснованность их

подтверждения реестродержателю договором соответствует правовым актам, определяющим порядок внесения записей в реестр акционеров (в частности, действовавшим в период разрешения спора Временным положением о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг, утвержденным постановлением Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку от 12.07.95 № 3²⁸).

Исключение записи об акционере из реестра возможно лишь при представлении предусмотренных правовыми актами документов, подтверждающих переход права собственности на акции от данного лица к новому владельцу (с одновременным внесением записи о новом акционере) либо в случае признания в судебном порядке недействительным акта (договора), на основании которого была внесена запись в реестр о конкретном лице как собственнике акций, с одновременным восстановлением в реестре записи о предыдущем владельце акций.

4.

По требованиям о восстановлении записи в реестре акционеров о владении акциями в качестве ответчика должен привлекаться не только реестродержатель, но и лицо, являющееся в соответствии с данными реестра акционеров владельцем спорных ценных бумаг. Требования о восстановлении указанной записи по сути имеют своей целью изъятие акций из чужого незаконного владения, поэтому должны формулироваться с учетом положений о способах защиты вещных прав²⁹.

ООО «ТК Канди» (далее — Истец) обратилось в арбитражный суд с иском к ОАО «Центральный Московский Депозитарий» (в дальнейшем — Реестродержатель) о признании недействительными внесенных изменений в реестр акционе-

²⁶ Письмо Президиума ВАС от 21.04.98 № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций».

²⁷ Письмо Президиума ВАС от 21.04.98 № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 6.

При удовлетворении иска владельца акций об обязанности акционера-держателя реестра внести запись о нем в реестр дата внесения такой записи должна определяться в решении суда исходя из срока, установленного статьей 45 Федерального закона «Об акционерных обществах». В тех случаях, когда иск заявлен о признании за истцом права собственности на акции (оспариваемого обществом или иным лицом) и такой иск удовлетворен, дата внесения в реестр акционеров лица, признанного собственником акций, определяется датой вступления соответствующего решения суда в законную силу // Там же.

²⁸ На отсутствие у лица, являющегося держателем реестра акционеров, права аннулировать внесенные в реестр записи указано и в действующем Положении о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг, утвержденном постановлением Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг от 02.10.97 № 27 (пункт 5).

²⁹ ФАС Московского округа, постановление от 20 ноября 2002 года, дело № КГ-А40/7703-02.

ров ОАО «Завод специальных подшипников» (в дальнейшем — Эмитент), связанных с регистрацией перехода права собственности на обыкновенные именные акции Эмитента от Истца и обязанности Реестродержателя восстановить запись об Истце как владельце акций Эмитента.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении исковых требований отказано. В апелляционной инстанции дело не рассматривалось.

Суд исходил из того, что ответчик осуществляет функции регистратора акций Эмитента. Однако Истец фактически предъявляет требование о возврате своих акций к лицу, которое спорными акциями не владеет. Доказательств обращения к приобретателю акций (Реестродержателю), равно как и доказательств осуществления ответчиком записи о переходе прав на акции в свою пользу или в пользу других лиц, в том числе акций, полученных самим Истцом у Эмитента, Истец не представил.

По мнению суда, поддержанному кассационной инстанцией, предъявленное Истцом требование о признании недействительными внесенных в реестр изменений не соответствует положениям статьи 12 ГК РФ, поскольку такое требование прямо не предусмотрено федеральными законами. Суд также отметил, что Истец фактически просил истребовать имущество (акции) из чужого незаконного владения, но предъявлял свои требования ненадлежащему лицу (Реестродержателю) и сформулировал предмет иска без учета требований, предъявляемых к способам защиты вещных прав, руководствуясь только особенностями учета бездокументарных ценных бумаг.

По требованиям об исключении записи из реестра акционеров и восстановлению предшествующей записи оспариваются права на акции лиц, у которых они находятся. В таком случае в качестве ответчика должны привлекаться лица, владеющие спорными акциями.

5.

При отсутствии во владении эмитента размещенных акций требование об обязанности восстановить в реестре акционеров запись о первоначальном количестве акций носит виндикационный

характер и может быть удовлетворено при наличии условий, предусмотренных статьей 302 ГК РФ³⁰.

Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) обратилась в суд с иском к ЗАО «Курортная поликлиника № 1» об обязанности держателя реестра зарегистрировать за истцом 354 обыкновенные акции.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены, суд обязал ответчика внести соответствующую запись в реестр акционеров. Судебный акт мотивирован тем, что собственник не выразил волеизъявления по отчуждению принадлежащих ему акций, в связи с этим у него не прекращено право собственности на спорное количество акций.

В кассационной жалобе ответчик отметил, что, по его мнению, в судебных актах не указано, на основании каких документов суд пришел к выводу о том, что в собственности истца находилось 34% спорных акций, поскольку ранее вынесенным решением Хостинского суда г. Сочи установлено, что истец владел только 5% акций. Кроме того, на балансе общества размещенных акций не имеется, поэтому восстановление записи в реестре не представляется возможным.

Удовлетворяя кассационную жалобу, суд отметил следующее.

Исковое требование об обязанности держателя реестра акционеров внести запись в реестр акционеров о принадлежности ФНПР 354 акций (34%) подлежало бы удовлетворению при наличии доказательств о том, что недостающие 236 акций (29%) находятся во владении ЗАО «Курортная поликлиника № 1» и могут быть зачислены на лицевой счет ФНПР. Такие доказательства в материалах дела отсутствуют. Не представлены сведения о наличии акций во владении ответчика и в заседание кассационной инстанции. В обоснование исковых требований истец неоднократно указывал на то, что ЗАО «Курортная поликлиника № 1» продает не принадлежащие ему акции и препятствует в осуществлении принадлежащих акционерам прав. Из справки ответчика от 11.06.02, его отзыва по делу Арбитражного суда Краснодарского края № А32-4572/2002-21/95 следует, что ак-

³⁰ ФАС Северо-Кавказского округа, постановление от 09.09.02 № Ф08-2942/02, дело № А32-17739/2001-21/392.

ции ЗАО «Курортная поликлиника № 1» за обществом не значатся. Поскольку уставный капитал ЗАО «Курортная поликлиника № 1» не изменялся, отсутствие акций во владении ответчика свидетельствует о том, что они зарегистрированы за третьими лицами.

При таких обстоятельствах требование о восстановлении записи о наличии на лицевом счете акций, по мнению суда, фактически означает требование о виндикации, которое должно быть рассмотрено путем предъявления иска к фактическому владельцу акций с учетом положений статей 301—302 ГК РФ.

6.

Истцом не заявлялся виндикационный иск, и обстоятельства, свидетельствующие о наличии либо отсутствии в действиях собственника воли на передачу имущества другому лицу, не входили в предмет иска и не исследовались судом³¹.

ЗАО «Сельхозинвест» обратилось в арбитражный суд с иском к ОАО «Мосбизнесбанк», частному предпринимателю Б. И. Брабандеру, ЗАО «Калининградское региональное агентство поддержки малого и среднего бизнеса», ОАО «Знаменский маргаринный завод» о признании недействительными договоров купли-продажи акций, передаточных распоряжений и о признании права собственности на акции.

Между ОАО «Мосбизнесбанк» и ЗАО «Сельхозинвест» был заключен договор продажи ценных бумаг с обратным выкупом (в дальнейшем — первичный договор) от 02.06.98 № 1/Р-98. В последующем ОАО «Мосбизнесбанк» произвело отчуждение этих акций на основании договоров купли-продажи: Брабандеру В. И. — договоры от 19.06.98 и 25.06.98 — и ЗАО «Калининградское региональное агентство поддержки малого и среднего бизнеса» — договор от 19.06.98 (в дальнейшем — последующие договоры).

Вступившим в законную силу решением Арбитражного суда Калининградской

области от 30.03.99 по делу № 2361 первичный договор, на основании которого ОАО «Мосбизнесбанк» приобрело акции от истца, признан недействительным³².

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, иск удовлетворен в части признания недействительными последующих договоров. В остальной части производство по делу прекращено в связи с отказом истца от требования признать права собственности на акции.

По мнению кассационной инстанции, суд правомерно признал недействительными последующие договоры как заключенные с нарушением требований статьи 209 ГК РФ; суд обоснованно признал недействительными и передаточные распоряжения, выданные на основании ничтожных договоров.

Однако суд вышел за пределы исковых требований, и вывод о том, что акции были из владения собственника — ЗАО «Сельхозинвест» — против его воли, подлежит исключению из мотивировочной части решения. Истцом не заявлялся виндикационный иск, и обстоятельства, свидетельствующие о наличии либо отсутствии в действиях собственника воли на передачу имущества другому лицу, не входили в предмет иска и не исследовались судом.

Суд кассационной инстанции также отметил в своем постановлении, что подлежит исключению из мотивировочной части решения вывод суда о правомерности исключения из реестра акционеров ОАО «Знаменский маргаринный завод» частного предпринимателя Брабандера В. И. и ЗАО «Калининградское региональное агентство поддержки малого и среднего бизнеса». Судом принят отказ от заявленных требований о признании права собственности на акции и признании недействительной записи о праве собственности на акции в реестре акционеров ОАО «Знаменский маргаринный завод», а также о восстановлении права истца на спорные акции путем внесения записи в реестр акционеров, в связи с чем суд не мог давать правовую оценку действиям сторон.

³¹ ФАС Северо-Западного округа, постановление от 14.06.01, по делу № 6163.

³² Постановлением ФАС СЗО от 20.03.2000 по делу № 4182/651 с участием тех же сторон оставлены без изменения судебные акты нижестоящих инстанций в части удовлетворения исковых требований ЗАО «Сельхозинвест» к ОАО «Знаменский маргаринный завод» о признании недействительной записи в реестре акционеров о владении ОАО «Мосбизнесбанк» спорными акциями, однако в иске о восстановлении записи о владении ими ЗАО «Сельхозинвест» отказано. Кассационная инстанция исходила из того, что требование о восстановлении в реестре записи о праве собственности истца на акции при наличии записи о других собственниках на эти же акции удовлетворению не подлежит.

7.

Истец вправе самостоятельно избрать способ защиты своих прав, заявив требование, основанное на обязательственных отношениях с реестродержателем. Переход акций во владение к третьим лицам, и, следовательно, невозможность исполнения реестродержателем требования о восстановлении записей на лицевом счете истца должны быть доказаны стороной, ссылающейся на это обстоятельство³³.

ООО НПРО «Урал» обратилось в суд с иском к УФНСП РФ по Челябинской области, ЗАО «Финансовая компания «ВАДИС», ЗАО «Финансовая компания «Профит Хауз», ЗАО «Компания-регистратор «Панорама», компании «Амбер Стар Эл. Эл. Си.», ООО «Гидромашсервис», Южно-Уральской регистрационной палате о признании права собственности на акции, о применении последствий недействительности ничтожных сделок и восстановлении регистрации в системе ведения реестра.

До принятия решения по делу истец уточнил свои исковые требования, просил признать недействительными передаточные распоряжения № 648, 649, 135, применить последствия их недействительности в виде восстановления на его лицевом счете записей о принадлежности ему на праве собственности акций ОАО «Качканарский ГОК «Ванадий» и ОАО «Ашинский металлургический завод», признать недействительными торги по продаже акций ОАО «Качканарский ГОК «Ванадий».

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен полностью. Апелляционная инстанция данное решение отменила, удовлетворив иск частично.

Кассационная инстанция постановление апелляции отменила, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Как следует из материалов дела, на основании решений Госналогинспекции по г. Озерску о взыскании недоимок по налогам, пеней и штрафов с ООО «НПРО «Урал» Озерским МРО УФНСП РФ по Челябинской области проведены опись и арест его имущества, в том числе обыкновенных бездокументарных акций ОАО «Качканарский ГОК «Ванадий» и ОАО «Ашинский металлургический завод».

³³ ФАС Уральского округа, постановление от 04.12.2000, дело № Ф09-1959/2000 ГК.

³⁴ ФАС Московского округа, постановление от 23.06.98, дело № КГ-А40/1093-98.

Данные акции были переданы на реализацию на торгах ЗАО «Микчел-Инвест», и на основании передаточных распоряжений регистратором сделаны записи о переходе прав на акции новым собственникам — победителям торгов.

Решениями арбитражного суда по другим делам (№ А76-2946/98, № А76-6464/98) решения ГНИ по г. Озерску, на основании которых было арестовано и реализовано имущество ООО «НПРО «Урал» на сумму 14 766 635 рублей, были признаны недействительными в части обращения взыскания на имущество на сумму 12 435 673 рубля.

С учетом данного обстоятельства суд первой инстанции признал передаточные распоряжения недействительными и применил предусмотренные статьей 167 ГК РФ последствия их недействительности, обязав реестродержателей привести данные реестров в положение, существовавшее на момент списания акций по оспариваемым передаточным распоряжениям.

Кассационная инстанция в своем постановлении отметила, что ссылка ответчиков на статью 302 ГК РФ правомерно отклонена судом, поскольку требование об изъятии акций из чужого незаконного владения в порядке виндикации истцом не заявлялось. Доводы заявителей кассационных жалоб о том, что спорные акции в настоящее время находятся у лиц, не привлеченных к участию в деле, материалами дела не подтверждены.

8.

На реестродержателя не может быть возложена обязанность по восстановлению записи о владении акциями, если спорные акции уже поступили во владение к иному приобретателю. Иск об истребовании акций должен заявляться не к реестродержателю, а к иному приобретателю. Изменение записи в реестре акционеров допускается только по основаниям, предусмотренным законом, и не может быть произвольным³⁴.

Чековый инвестиционный фонд «Народный» обратился в арбитражный суд с иском к ЗАО «Национальная регистрационная компания» (НРК) о применении последствий недействительности ничтожной сделки — договора купли-продажи акций РАО «Норильский никель» в количестве

30 000 штук и об обязанности ответчика восстановить в реестре акционеров на лицевом счете истца запись о владении этими акциями.

Третьими лицами без самостоятельных требований в исковом заявлении указаны Акционерный коммерческий банк «Уникомбанк» и РАО «Норильский никель».

До принятия решения истец заявил о частичном изменении предмета иска и дополнительно просил суд признать недействительными, внесенными на основании ничтожной сделки корректирующие записи по лицевому счету ЧИФ «Народный», произведенные прежним регистратором — «Уникомбанком» — до передачи реестра НРК, о списании со счета истца и зачислении на счет ТОО «Информ Инвест» прав на 40 000 обыкновенных именных акций РАО «Норильский никель», а также восстановить по лицевому счету истца запись и по этим акциям. Указанная запись, по утверждению истца, была сделана без его распоряжения или согласия, в связи с чем истец просил защитить его нарушенное право как собственника путем признания этой записи недействительной.

Решением первой инстанции иски требования удовлетворены в части обязанности НРК восстановить на лицевом счете ЧИФ «Народный» запись о 30 000 акций.

В части признания недействительными корректирующих записей в отношении 40 000 акций производство по делу прекращено. В иске к «Уникомбанку» и РАО «Норильский никель» отказано. В апелляционном порядке законность и обоснованность решения не пересматривались.

Решение в отношении 30 000 акций мотивировано тем, что договор купли-продажи, заключенный между ЧИФ «Народный» и ТОО «Информ Инвест», является ничтожным в силу статьи 168 ГК РФ как совершенный с нарушением правомочий собственника и оснований перехода права собственности, закрепленных в статьях 209, 218 ГК РФ.

Прекращая производство в части признания недействительными корректирующих записей по 40 000 акций, суд сослался на то, что такие записи не являются сделками, актами, которые в силу статьи 22 АПК РФ могут быть признаны судом недействительными, кроме того, истец не указал, на защиту каких гражданских прав направлено это требование.

Кассационная инстанция данное решение отменила по следующим основаниям.

Сделав правильный вывод о ничтожности договора по реализации 30 000 акций, суд применил последствия недействительности ничтожной сделки, обязав ответчика восстановить запись на лицевом счете истца об этих акциях.

Однако истец при уточнении предмета иска снял требования о применении последствий недействительности ничтожной сделки. Согласно пункту 2 статьи 166 ГК РФ суд может по своей инициативе применить такие последствия, однако в данном случае для этого у суда не было оснований, поскольку в силу статьи 167 ГК РФ последствия недействительности сделки применяются по отношению к сторонам этой сделки, а регистратор (НРК) не является стороной в ничтожной сделке.

Обязание реестродержателя внести запись в реестр о восстановлении на счете истца акций без отчуждения их у настоящих владельцев, по мнению кассационной инстанции, противоречит закону. Требование об изъятии акций у лица, их приобретшего, не заявлялось.

Истец требует восстановления нарушенного права как собственника акций, однако полномочия собственника, заключающиеся во владении, пользовании и распоряжении своим имуществом, не могут быть в полном объеме подтверждены только путем обязанности реестродержателя внести запись об акциях на лицевой счет истца.

В отношении 40 000 акций истец обосновал свое требование ссылкой на статьи 12, 304 ГК РФ как собственник, требующий устранения всяких нарушений его прав и избравший один из способов защиты гражданских прав — восстановление положения, существовавшего до нарушения его прав, и возложение обязанности по такому восстановлению на регистратора — НРК.

Однако НРК в момент списания с лицевого счета истца 40 000 акций не являлась регистратором и не вела реестр РАО «Норильский никель». Реестр принят к хранению и ведению НРК, когда спорные акции на счете истца уже не числились. Регистратором в момент списания являлся АКБ «Уникомбанк».

В соответствии с Федеральным законом «О рынке ценных бумаг» записи держателем реестра могут быть внесены в систему ведения реестра по указанным в Законе основаниям, предусматривающим переход права собственности на

ценные бумаги. Судом не дана оценка доводам истца о том, что законные основания для списания акций с его лицевого счета отсутствовали.

В части прекращения производства по делу о признании недействительными корректирующих записей в отношении 40 000 акций решение отменено с передачей дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

9.

Право собственности на акции, а следовательно, и право на их истребование из чужого незаконного владения возникают не ранее внесения соответствующей записи в реестр акционеров на основании действительных сделок³⁵.

29 августа 1994 года между Манфредом Сваровски и компанией «Веллис АГ» был заключен договор на управление чужим имуществом по поручению доверителя, в соответствии с которым компания «Веллис АГ» обязалась по поручению Манфреда Сваровски на полученные от него 500 000 долларов США приобрести от имени последнего в его собственность как минимум 51% обыкновенных голосующих акций открытого акционерного общества «Термоприбор», а также управлять данными акциями от имени и по поручению Манфреда Сваровски.

Компания «Веллис АГ» (доверительный управляющий) приобрела акции ОАО «Термоприбор» по договорам купли-продажи в количестве 27136 штук у ЧИФ «Республика» по договору от 20.06.95 и в количестве 16 400 штук у фирмы «Боле-тус АГ» по договору от 26.05.98, а всего 43 536 штук.

17.04.98 компания «Веллис АГ» совершила отчуждение части акций, заключив договор мены 6000 акций с ОАО «Термоприбор».

Манфред Сваровски обратился в арбитражный суд с иском к компании «Веллис АГ» и ОАО «Термоприбор» о признании за ним права собственности на все приобретенные для него доверительным управляющим акции — 43 536 штук. В обоснование своих требований истец ссылался на то, что указанные договоры купли-продажи заключались во исполнение договора доверительного управления; акции приобретались на

средства истца; договор мены заключался без указаний истца. Истец считал, что ответчик не вправе был регистрировать свое право собственности на акции.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционной инстанции, иск удовлетворен полностью.

При кассационном рассмотрении дела судебные акты нижестоящих инстанций были отменены, и дело передано в суд первой инстанции на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Удовлетворяя исковые требования, суд исходил из того, что компания «Веллис АГ», приобретая акции, действовала в рамках договора о доверительном управлении и необоснованно зарегистрировала акции на свое имя. Принимая решение об удовлетворении иска, суд пришел к выводу о том, что требования истца носят вещно-правовой характер и сводятся к признанию права собственности на акции. Между тем, по мнению кассационной инстанции, суд не проанализировал, какое же основание, предусмотренное нормой статьи 218 ГК РФ, послужило для приобретения права собственности истца на акции.

Сам истец стороной в договоре купли-продажи не являлся. Кроме того, в соответствии со статьей 29 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» от 22.04.96 права на бездокументарные акции возникают с момента внесения приходной записи в реестр акционеров по лицевому счету приобретателя. Акции, по поводу которых возник спор, за истцом не числились.

Суд посчитал, что право собственности истца основано на договоре доверительного управления. Давая оценку договору доверительного управления, суд квалифицировал его в качестве смешанного договора, который содержит элементы договора поручения. Между тем иск доверителя об обязании поверенного передать ему акции, приобретенные для доверителя в соответствии с договором поручения, не является виндикационным, а вытекает из обязательственных отношений. Иск об исполнении обязательства в натуре или иной иск, вытекающий из обязательственных отношений, истцом не заявлялся.

³⁵ ФАС Московского округа, постановление от 08.11.2000, дело № КГ-А40/4986-00.

Признавая за истцом право собственности на спорные акции, суд не исследовал, не основано ли это право на ничтожных сделках.

Суд не проверил, кто в настоящее время числится в реестре акционеров собственником спорных акций. Поскольку истец указывает, что его право собственности на акции возникло на основании договора доверительного управления, суду следовало проверить, соответствует ли данный договор закону.

10.

Иск доверителя об обязанности поверенного передать ему акции, приобретенные для доверителя в соответствии с договором поручения, не является виндикационным, а вытекает из обязательствных отношений³⁶.

Отделение негосударственного пенсионного фонда (юридическое лицо) обратилось в арбитражный суд с иском к инвестиционному институту об обязанности последнего передать акции пяти акционерных обществ, приобретенные для истца, а также о возмещении убытков и взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами.

В данном случае отношения сторон носили обязательственный характер, а требования истца вытекали из ненадлежащего выполнения ответчиком обязательства по договору поручения — уклонения поверенного от передачи доверителю полученного по сделке, заключенной во исполнение этого договора.

Надлежащая правовая квалификация отношений сторон и возникшего между ними спора является важным условием для правильного его разрешения, поскольку при обязательственных отношениях истец вправе требовать не только передачи ему акций, но может ставить вопрос и о применении к ответчику последствий, связанных с ненадлежащим исполнением обязательств по договору.

11.

Применяя реституцию к недействительной сделке, суд должен исследо-

вать добросовестность последующего приобретателя, к которому акции поступили от их первоначального приобретателя³⁷.

Арбитражным судом Саратовской области 16.02.2000 по делу № 117/2000-23 вынесено решение о ликвидации ООО «Магазин «Андреевский» и назначении Ковалевой О. Н. ликвидатором общества.

18.05.2000 в газете «Саратов» было опубликовано объявление о ликвидации ООО «Магазин «Андреевский».

Однако 27.03.01, то есть после указанной публикации, директор ООО «Магазин «Андреевский» Родионов А. В. заключил с ООО «Триал-М» соглашение об отступном, согласно которому в счет прекращения обязательства по договору купли-продажи ценных бумаг от 22.01.01 передал ООО «Триал-М» 55 000 обыкновенных именных акций в бездокументарной форме ОАО «Саратовская экспериментальная фабрика спортивного трикотажа». Спорные акции у ООО «Триал-М» в последующем были приобретены ООО «Вилор».

Признавая соглашение об отступном от 27.03.01, заключенное между ООО «Магазин «Андреевский» и ООО «Триал-М», ничтожным, суд первой инстанции исходил из того, что спорное соглашение оформлено после опубликования в газете «Саратов» объявления о ликвидации ООО «Магазин «Андреевский», то есть в нарушение требований закона о совершении сделок должником, в отношении которого начата процедура банкротства.

На этом основании суд первой инстанции обязал ООО «Вилор» вернуть истцу приобретенные у ООО «Триал-М» ценные бумаги.

Суд кассационной инстанции, отклоняя данное решение, в своем постановлении отметил, что, применяя реституцию к недействительной сделке, суд оставил без правовой оценки довод ООО «Вилор» о том, что он является добросовестным приобретателем. Дело возвращено на новое рассмотрение в суде первой инстанции для исследования и оценки обстоятельств, указанных в пункте 1 статьи 302 ГК РФ.

³⁶ Письмо Президиума ВАС от 21.04.98 № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций».

³⁷ ФАС Поволжского округа, постановление от 16.04.02, дело № А57-14562/01-15.

12.

Недобросовестность последующих приобретателей акций должна быть доказана заявителем. При отсутствии таких доказательств акции не могут быть истребованы у добросовестного приобретателя даже в случае выявления пороков первичной сделки³⁸.

Первый заместитель Генерального прокурора Российской Федерации (далее — прокурор) в защиту государственных интересов обратился в арбитражный суд с иском к АОЗТ «ТВЭЛ, Ко Лтд», третьему лицу — АООТ «Металлургический завод имени А. К. Серова» о расторжении договора купли-продажи акций завода, заключенного между Российским фондом федерального имущества и АОЗТ «ТВЭЛ, Ко Лтд», и об обязанности ответчика возвратить акции в государственную собственность Российской Федерации. Иск обоснован тем, что АОЗТ «ТВЭЛ, Ко Лтд», будучи инвестором, ненадлежащим образом выполняло договор в части внесения инвестиций в модернизацию приватизированного предприятия.

Дело неоднократно рассматривалось различными судебными инстанциями, в том числе надзорной.

При новом рассмотрении в качестве ответчиков были привлечены ООО «Северная Венеция» и ООО «Инвестиционный Дом «Атлант».

Решением суда первой инстанции в иске к АОЗТ «ТВЭЛ, Ко Лтд» отказано, в отношении ООО «Инвестиционный Дом «Атлант» и ООО «Северная Венеция» иск оставлен без рассмотрения. Постановлением апелляционной инстанции данное решение изменено. В иске ко всем ответчикам отказано.

По результатам кассационного рассмотрения решение суда первой инстанции и постановление апелляционной инстанции отменены в части отказа в иске о расторжении договора купли-продажи, первичный договор купли-продажи акций расторгнут. В остальной части решение и постановление оставлены без изменения.

Из материалов дела следует, что АОЗТ «ТВЭЛ, Ко Лтд» как победитель инвестиционного конкурса заключило с Российским фондом федерального имущества договор купли-продажи пакета акций АООТ «Металлургический завод имени

А. К. Серова» (первичный договор). При этом в договоре предусматривалось, что право собственности на акции переходит от продавца к покупателю после полной оплаты акций с момента регистрации договора продавцом.

Предметом спора явилось, в частности, выполнение приобретателем акций условий инвестиционного конкурса. Кассационная инстанция заключила, что непредставление доказательств выполнения данного условия договора является достаточным основанием для его расторжения.

В то же время, по мнению суда кассационной инстанции, отсутствуют основания для удовлетворения требования об обязанности ответчика возвратить акции в государственную собственность Российской Федерации по следующим основаниям.

АОЗТ «ТВЭЛ, Ко Лтд» продало весь пакет акций двум покупателям: ООО «Инвестиционный дом «Атлант» и ООО «Северная Венеция», о чем в реестр акционеров АООТ «Металлургический завод имени А. К. Серова» были внесены соответствующие записи. Поэтому АОЗТ «ТВЭЛ, Ко Лтд» на момент принятия судебного решения не являлось собственником истребуемых акций, в связи с чем и невозможно удовлетворение требования о возврате акций из его собственности в собственность Российской Федерации.

Вопрос о признании последующих договоров недействительными истцом не ставился. Требование прокурора о возврате акций последующими приобретателями — ООО «Инвестиционный дом «Атлант» и ООО «Северная Венеция» — носит виндикационный характер и может быть удовлетворено при наличии условий, предусмотренных статьей 302 ГК РФ.

Кроме того, поскольку прокурор не представил доказательств того, что последующие приобретатели акций являются недобросовестными, то есть они знали либо должны были знать об отсутствии правомочий у АОЗТ «ТВЭЛ, Ко Лтд» на отчуждение акций, основания для удовлетворения иска прокурора в части требования о возврате акций в собственность РФ отсутствуют.

13.

В случае если в результате первичного приобретения акций в процессе прива-

³⁸ ФАС Северо-Западного округа, постановление от 22.07.99, дело № А56-14080/97.

тизации у покупателя не возникло право собственности, однако акции им отчуждены новому приобретателю, то последующая сделка является ничтожной, если и новый покупатель, и продавец знали об отсутствии у продавца права на отчуждение акций. Требование о применении последствий ничтожной сделки может быть заявлено любым заинтересованным лицом, в том числе и Фондом имущества, не являющимся стороной последующего договора³⁹.

Запись в реестре акционеров о праве собственности на акции сама по себе не является достаточным доказательством права владельца акции на распоряжение ею, если доказано, что и владелец акции, и последующий приобретатель знали об ошибочности такой записи, т. е. являлись недобросовестными.

ОАО «Западно-Сибирский металлургический комбинат» обратилось с иском о признании недействительным договора купли-продажи от 27.12.99 (в дальнейшем — последующий договор), заключенного между ним и ОАО «Кузнецкий металлургический комбинат» (в дальнейшем — ответчик), согласно которому истец приобрел в собственность пакет акций (именные ценные бумаги бездокументарной формы ОАО «Краснокаменское рудоуправление» в количестве 15 441 штуки).

Ответчик приобрел спорные акции на условиях инвестиционного конкурса у Фонда имущества Красноярского края (договор от 26.09.95, в дальнейшем — первичный договор). Акции приобретались у Фонда имущества на условиях инвестиционного конкурса и инвестиционной программы с определением сроков исполнения. В первичном договоре устанавливалось, что при просрочке вложения инвестиций свыше 30 дней договор расторгается в одностороннем порядке, о чем продавец письменно уведомляет покупателя. При этом продавец дает поручение эмитенту об исключении покупателя из реестра акционеров. Право собственности на указанные акции наступает после полной оплаты их стоимости и внесения покупателя в реестр акционеров.

В нарушение условий первичного договора ответчик постоянно не соблюдал сроки и объемы внесения инвестиций. Фонд имущества заявил в одностороннем

порядке о расторжении договора (письмо от 15.05.98).

Решением арбитражного суда по другому делу (№ А27-4932/98-4 от 17.02.2000) подтвержден факт расторжения первичного договора 15.05.98 (то есть до даты заключения последующего договора), о чем истцу стало известно только в процессе рассмотрения дела № А27-1096/2000-4 об истребовании акций из чужого незаконного владения. Ответчик, по мнению истца, намеренно скрыл факт расторжения первичного договора. В момент заключения последующего договора запись на лицевом счете ответчика (реестродержатель — ЗАО «Южно-Кузбасский специализированный регистратор») свидетельствовала о праве собственности ответчика на эти акции. Кроме того, на передаточном распоряжении ответчиком сделана отметка об отсутствии обременения акций.

В качестве третьего лица с самостоятельными требованиями о признании последующего договора ничтожным и применении последствий этой сделки — обязанности возратить акции в количестве 15 441 штуки — привлечен Фонд имущества.

Решением суда первой инстанции последующий договор признан недействительным (ничтожным) с момента совершения. Суд обосновал свое решение, в частности, тем, что истец знал о расторжении первичного договора до подписания последующего договора. Требование Фонда имущества арбитражный суд признал законным в части ничтожности последующего договора со ссылкой на пункты 1, 2 статьи 209 ГК РФ, решение арбитражного суда подтверждало, что ответчик не являлся собственником акций и не имел права распоряжаться этими акциями.

Между тем в применении последствий ничтожной сделки суд отказал, мотивируя тем, что Фонд имущества не является стороной последующего договора (пункт 2 статьи 167 ГК РФ) и фактически требование носит виндикационный характер и может быть заявлено по статье 302 ГК РФ. В соответствии со статьей 21 Федерального закона «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации» № 123-ФЗ государственное имущество, при приватизации которого нарушены условия коммерческого конкурса,

³⁹ ФАС Западно-Сибирского округа, постановление от 21.03.01, дело № Ф04/829-203/А27-2001.

подлежит безвозмездному отчуждению в пользу государства. Однако суд это требование Закона не принял во внимание, мотивируя тем, что Закон вступил в силу после заключения первичного договора.

Постановлением апелляционной инстанции решение отменено в части признания ничтожным последующего договора. В остальной части решение оставлено без изменения. Постановление обосновано тем, что в соответствии с записью по лицевому счету ответчика в реестре акционеров, подтвержденной выпиской из реестра от 14.12.99 № 1, то есть после признания первичного договора расторгнутым и до заключения последующего договора, ответчик имел право собственности на спорные акции.

Однако при кассационном рассмотрении дела отменены полностью постановление апелляционной инстанции и решение суда первой инстанции в части отказа в применении последствий ничтожной сделки. Кассационная инстанция аргументировала свою позицию следующим.

В соответствии с приватизационным законодательством собственником имущества осталось государство, поскольку условия коммерческого конкурса ответчиком выполнены не были, а следовательно, к нему и не перешло право собственности на акции. При таких обстоятельствах не имеет значения тот факт, что после расторжения первичного договора эмитенту не давалось поручение об исключении ответчика из реестра акционеров, а судебное решение по другому делу, которым подтверждено расторжение с 15.05.98 первичного договора, было вынесено после заключения последующего договора.

Кроме того, судом отмечено, что истец знал о расторжении первичного договора на момент подписания последующего договора, о чем свидетельствует мировое соглашение от 17.12.2000.

С учетом изложенного ответчик не вправе был распоряжаться спорными акциями, несмотря на наличие соответствующей записи в реестре акционеров, а истец не являлся добросовестным.

Между тем последующий договор был заключен не в процессе приватизации, поэтому к его недействительности должны применяться общие правила о недействительности сделок, а не специальные

правила о недействительности сделок, совершенных в процессе приватизации.

По мнению кассационной инстанции, в данном случае требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки может быть предъявлено любым заинтересованным лицом (пункт 2 статьи 166 ГК РФ), в том числе и Фондом имущества.

14.

При установлении добросовестности последующего приобретателя бездокументарных акций необходимо давать оценку всем обстоятельствам в совокупности, свидетельствующим о том, что последующий приобретатель знал и мог знать о том, что акции поступили к первоначальному приобретателю с нарушением закона. Такими обстоятельствами, в частности, могут быть осведомленность последующего приобретателя об условиях сделки по первичному приобретению, срок между совершением первичной и последующей сделок, участие представителя последующего приобретателя в подготовке и совершении первичной сделки, использование финансовых средств последующего приобретателя при оплате приобретения по первичной сделке и др.⁴⁰

Заместитель Прокурора Краснодарского края в интересах государства и в лице Фонда государственного имущества Краснодарского края обратился в арбитражный суд с иском к ОАО «Коммерческий банк «Казакбанк», ТОО «Хуторок», ТОО «Родина», КФХ «Радуга», КФХ «Ярового» о применении последствий недействительности ничтожных сделок и возвращении полученных по сделкам 13,47% акций ОАО МКК «Армавирский» Фонду государственного имущества Краснодарского края (с учетом уточненных исковых требований).

Решением суда первой инстанции в иске отказано. Решение суда обосновано тем, что АКБ «Казакбанк», приобретший акции у крестьянских фермерских хозяйств «Ярового» и «Радуга», у ТОО «Хуторок» и ТОО «Родина» на вторичном рынке, является добросовестным приобретателем, у которого не может быть истребовано имущество, выбывшее из владения собственников по их воле. Требование собственника о возврате акций носит вин-

⁴⁰ ФАС Северо-Кавказского округа, постановление от 19.02.01 № Ф08-321/2001, дело № А32-11954/2000-10/331.

дикационный характер и может быть удовлетворено лишь при наличии условий, предусмотренных статьей 302 ГК РФ.

Кассационная инстанция решение суда первой инстанции отменила, передав дело на новое рассмотрение, аргументировав свое определение следующим.

Как следует из материалов дела, распоряжением от 26.04.94 Фонд государственного имущества Краснодарского края сообщил генеральному директору АООТ «МКК «Армавирский» о необходимости внесения в реестр акционеров крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) «Радуга» и «Ярового», которые в результате закрытой подписки приобрели по установленной цене соответственно 1086 и 1087 акций АООТ «МКК «Армавирский», оплатив иные, связанные с приобретением, расходы.

В последующем по договорам купли-продажи от 18.05.94 указанные крестьянские хозяйства и товарищества с ограниченной ответственностью продали приобретенные по закрытой подписке акции АКБ «Казакбанк» по той же минимальной цене за акцию.

При этом, однако, первичное приобретение акций было совершено с нарушением законодательства о приватизации.

Судом дана правильная оценка фактического основания заявленного искового требования в качестве виндикационного. Вместе с тем вывод суда о добросовестности АКБ «Казакбанк» ничем не обоснован и сделан по неполно исследованным обстоятельствам дела:

— так, судом не дана оценка действиям АКБ «Казакбанк» в качестве покупателя по договорам купли-продажи акций, заключенным с крестьянскими (фермерскими) хозяйствами «Радуга» и «Ярового», а также с ТОО «Родина» и «Хуторок». Принимая во внимание, что КФХ «Радуга» и «Ярового» не относились к числу лиц, имеющих право приобретать акции по закрытой подписке, суд следовало выяснить, на основании чего они получили право на квоту, и если Фонд имущества не представит соответствующих доказательств, суд вправе квалифицировать такую сделку в качестве ничтожной;

— из письменного сообщения начальника депозитария АКБ «Казакбанк» следует, что между Фондом имущества и банком было заключено соглашение о прове-

дении чековых аукционов. Таким образом, банк был хорошо осведомлен о порядке и условиях проведения подписки на акции предприятий по первичной переработке сельскохозяйственной продукции;

— судом не дана оценка тому обстоятельству, что главы крестьянских хозяйств выдали доверенности заместителю председателя правления АКБ «Казакбанк», на право подачи заявки, оплату и получение акций ОАО «МКК «Армавирский», распределяемых Фондом имущества по закрытой подписке. При таких обстоятельствах законность приобретения акций указанными крестьянскими хозяйствами была хорошо известна их последующему покупателю;

— следовало дать оценку и заявлениям крестьянских хозяйств о том, что инициатива совершения сделок в отношении акций принадлежала АКБ «Казакбанк»;

— принимая во внимание незначительность времени с момента совершения крестьянскими хозяйствами сделок с Фондом имущества по приобретению акций и их последующей продаже АКБ «Казакбанк», суду следовало выяснить действительность намерений хозяйств по приобретению акций в собственность, регистрацию за ними перехода права собственности на акции в реестре акционеров, учет приобретенных акций на балансе хозяйств, источники средств, оплаченных за покупку акций, правильность оформления передаточных распоряжений при передаче акций АКБ «Казакбанк» по заключении с ним сделки купли-продажи акций;

— поскольку ТОО «Родина» и ТОО «Хуторок» приобрели акции по договору с Фондом имущества от 19.03.96, суд должен был выяснить, зарегистрирован ли переход права собственности на акции за указанными покупателями на момент заключения ими 21.03.96, то есть через два дня после первичного приобретения, договоров купли-продажи приобретенных акций с АКБ «Казакбанк», являлись ли ТОО собственниками акций при заключении договоров купли-продажи, оформлялись ли и правильно ли оформлены передаточные распоряжения, на основании которых зарегистрирован переход права собственности на акции за АКБ «Казакбанк».